

Предисловие
**Г. В. Вернадский и евразийство
в 1920–1930-е гг.¹**

В 1920–1930-е гг. среди русских эмигрантов сложился кружок людей, называвших себя евразийцами. У истоков этого движения стояло несколько молодых людей с вполне определенными историко-философскими взглядами: Н. С. Трубецкой, выдающийся лингвист, П. Н. Савицкий, экономист и географ, Г. В. Флоровский, православный богослов, и П. П. Сувчинский, музыкальный критик и философ музыки, организатор движения евразийцев. В орбиту этого раннего евразийства на разных его этапах были вовлечены десятки, если не сотни людей самого разного уровня: философы Н. Н. Алексеев, Н. С. Арсеньев, Л. П. Карсавин, В. Э. Сеземан, С. Л. Франк, В. Н. Ильин, историки Г. В. Вернадский и П. М. Бицилли, литературный критик Д. П. Святополк-Мирский, такие представители русской культуры, как И. Ф. Стравинский, М. И. Цветаева, А. М. Ремизов, Р. О. Якобсон, В. Н. Иванов и др. (Филонова 2011: 2–3).

¹ Хочу выразить свою благодарность всем коллегам, которые участвовали в обсуждении черновых вариантов моих статей на сайте Academia.edu и чьи советы и рекомендации помогли мне в написании данной книги.

Основатели движения евразийцев П. Н. Савицкий (Савицкий 1931) и Н. С. Трубецкой (Трубецкой 1920) в основном разрабатывали историософскую доктрину евразийства, его особую терминологию, его основные положения, пытаясь противопоставить евразийство западничеству.

Необходимо сразу оговориться, что евразийство 1920–1930-х гг. в значительной степени отличается от более позднего неоевразийства наших дней, идеологами которого выступили сначала Л. Н. Гумилев, который ввел понятия «суперэтнос» и «пассионарность», а затем А. Г. Дугин, с идеей «евразийской сверхдержавы».

В дальнейшем меня будут интересовать именно позиция Г. В. Вернадского, примкнувшего к этому движению в 1930-х гг., выдающегося историка-эмигранта, и его взгляды на историю Древней Руси, сложившиеся под влиянием идеологии евразийства.

Г. В. Вернадский среди евразийцев 1920-х гг. был единственным историком, глубоко погруженным в вопросы исторического развития Руси, места ее цивилизации в окружающем мире, влияний, оказанных на ее культуру соседними народами. Евразийская доктрина оказала на Вернадского глубокое влияние, но, тем не менее, он больше тяготел к рассмотрению конкретных исторических вопросов.

Дело в том, что «специфически евразийские идеологемы, такие как „материк Евразия“, „месторазвитие“, „бытовое исповедничество“, сводили к минимуму объективно существующее

природно-климатическое, этнокультурное и конфессиональное многообразие российского государства и общества. В идеологическом дискурсе евразийцев ведущую роль играл сконструированный ими новый, онтологически целостный природно-социальный субъект исторического процесса — „Россия—Евразия“» (Лихоманов, Бойко 2019: 319).

Следует отметить, что в наибольшей степени влияние евразийства на творчество Г. В. Вернадского проявилось в его работах, посвященных монгольскому периоду русской истории. Но нас будет интересовать ранняя история Руси IX-X вв., на изучение которой работы Г. В. Вернадского оказали сильнейшее влияние, особенно в плане исследования взаимовлияния культур: славянства и скандинавства.

«Вернадский рассматривал евразийскую концепцию отечественной истории как дескриптивную познавательную модель, интуитивно убедительную, но требующую „раскрытия“ на историческом материале. Две его ранние работы — „Начертание русской истории“ (1927) и „Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени“ (1934) — были призваны порвать с отечественной традицией историописания и выработать новую концепцию российской истории в духе евразийства. Попытки оказались неудачными, но на следующем этапе, который характеризовался общим возвратом к традиции, они помогли Вернадскому сохранить оригинальность и свежесть евразийского взгляда на отечественную историю,

уже вне евразийской политической идеологии» (Лихоманов, Бойко 2019: 324).

Вернадский огромное значение придавал тому географическому пространству, состоявшему из леса и степи, которое, по его мнению, и определяло философию развития исторического процесса, заключавшегося в борьбе «леса и степи», оседлого и кочевого миров и проходившего через всю историю Древней Руси. Влияние географического фактора, рассматриваемого под тем или иным углом зрения, несомненно, оказало серьезное влияние на исторический процесс формирования раннего государства, и его невозможно недооценивать (Губарев 2020а).

Г. В. Вернадский разработал свою периодизацию истории России и выделил пять периодов русской истории.

Первый период — с древнейших времен до 972 г., второй с 972 г. до нашествия Батыя на Русь в 1238 г., третий, «монгольский», с 1238 г. до 1452 г., четвертый, период «возвышения Москвы», — с 1452 г. до 1696 г., и, наконец, пятый, период «распространения Российского государства», с 1696 г. до 1917 г.

Нас будет интересовать первый период в хронологии Вернадского, в течение которого складывалось государство первых Рюриковичей.

«Историософская концепция Г. Вернадского определялась следующими методологическими идеями: 1) идеей историко-культурного взаимодействия леса и степи, которое вело к созданию империи особого типа; 2) догадкой о ритмичности государствообразующего процесса, о чередовании

интеграции и дезинтеграции на евразийском пространстве – от Скифии до СССР; 3) положением об особой духовно-культурной и политико-организующей роли Православия; 4) идеей цивилизационной самобытности России, предполагающей сущностные отличия, как от Запада, так и от Востока» (Рыбаков 2003: 103).

В своей ранней работе «Начертание русской истории» Вернадский уделял больше внимания историсофии евразийства и стремился разработать новую схему изложения истории Руси в ее основных понятиях (таких, как например «месторазвитие») (Вернадский 1927).

Позже он больше сосредоточился именно на исторических вопросах, в том числе, на вопросе влияния скандинавов и славян на процесс формирования государственности и на сложную многогранную культуру начальной Руси (Vernadsky 1946).

Именно культурное взаимодействие в работах Г. В. Вернадского и будет меня интересовать особо. Ведь он в своих работах рассматривал не только взаимодействие «леса и степи», как отмечает большинство его биографов, но и влияние различных культур, славянства и скандинавов, на процесс складывания раннего государства, Руси.

«The early Rus state was, in the essence, a dictatorship of a strong military group, representing the Rus tribe, super imposed on a number of other tribes – Slavic and Finnish – subject to tribute. The pattern of this government was similar to that of other military realms of Eastern Europe and western Eurasia, including

the Huns, the Avavrs, and the Khazars»² (Vernadsky 1959: 277–278).

К сожалению, Г. В. Вернадский отстаивал опровергнутую на сегодняшний день гипотезу происхождения имени Русь от названия племени рухс-рокс/алан и локализовал Черноморскую Русь на юге. Он критиковал принятую в настоящее время гипотезу происхождения имени Русь от финнов, называвших любые дружины норманнов *ruotsi*.

Но, в то же время, именно Г. В. Вернадский в главе «Riurik and the Varangian-Russian Principality of Novgorod» признал гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Вслед за Н. Т. Беляевым он предположил возможность влияния трех основных потоков скандинавов, прибывавших на Русь из шведской Бирки (839 г.), из Дании (Рюрик) и из норвежского Халогаланда (Олег) (Vernadsky 1946: 337–339, 367).

Вернадский дал короткий очерк жизни Рюрика на территории империи франков, а также очень верно, на мой взгляд, оценил возможность переноса активности на восток после возврата родового владения Скъёльдунгов Хедебю и прилегающих земель.

² «Раннее государство Русь было, по сути, диктатурой сильной военной прослойки, представлявшей племя Русь, установившей свою власть над некоторыми другими племенами — славянскими и финскими — обязанными платить дань. Модель этого государства была аналогична моделям других военных государств Восточной Европы и западной Евразии, включая гуннов, авар и хазар». — Перевод О. Л. Губарева.

«Riurik's interest in the Baltic area must have received a new impetus when he was forced by Lothair to give up Friesland once more, and was granted in its place another fief in Jutland (854). Becoming master of southern Jutland, Riurik acquired direct access to the Baltic sea, and was thus in even better position than before to take active part in Baltic affairs»³. (Vernadsky 1946: 338).

Рюрик, которого Г. Вернадский отождествлял с вождем норманнов Рёриком, по мнению Вернадского, оказался посредником между Востоком и Западом.

Небольшая переписка с Николаем Константиновичем Рерихом началась после того, как Г. В. Вернадский получил от него отзыв о книге «Звенья русской культуры», написанный 2 июня 1938 г. Н. К. Рерих откликнулся на этот «истинно русский труд», увидев в Г. В. Вернадском единомышленника в суждениях о большом значении культуры Древней Руси. «Ваша книга, — писал он Вернадскому, — глубоко ответила моим воззрениям на древнюю Россию... Всюду, где подойдем к древней Руси без предубеждения, можно найти замечательные памятники, свидетельствующие о культуре. В будущих

³ «Заинтересованность Рюрика в балтийском регионе должна была получить новый импульс, когда он был принужден Лотарем еще раз уступить Фрисландию, и ему был выдан вместо нее лен в южной Ютландии (854 г.). Став хозяином южной Ютландии, Рюрик получил непосредственный доступ к Балтийскому морю, и был, таким образом, в лучшем положении, чем раньше, чтобы принять активное участие в делах на Балтике». — Перевод О. Л. Губарева.

русских построениях Ваша или, скажу, наша точка зрения ляжет в основу дальнейших изысканий» (Вернадский 1998: 409).

Если в своих более ранних исторических работах Г. В. Вернадский доводил историю Руси до призвания Рюрика и похода Олега на Константинополь (Vernadsky 1946), то в более позднем исследовании он довел историю Руси до правления Святослава и его войн с Византией (Vernadsky 1959).

Г. В. Вернадский пытался оценить в рамках своей концепции евразийства влияние культур соседних народов на культуру Руси. «Фактор времени следует учитывать и в смысле относительном, то есть спрашивать себя, в какой мере развитие русской культуры определялось уровнем развития, достигнутым в данную эпоху культурами соседних народов. Отсюда вытекают и вопросы о взаимоотношении и взаимных влияниях культур русского и народов соседних» (Вернадский 2016: 6).

Таким образом, евразийцы 1920–1930 гг. говорили о необходимости дальнейших исследований исторического процесса и влияния культур соседних народов на культуру Руси и складывающуюся уникальную евразийскую цивилизацию. Этому и будет посвящено дальнейшее содержание данной книги.

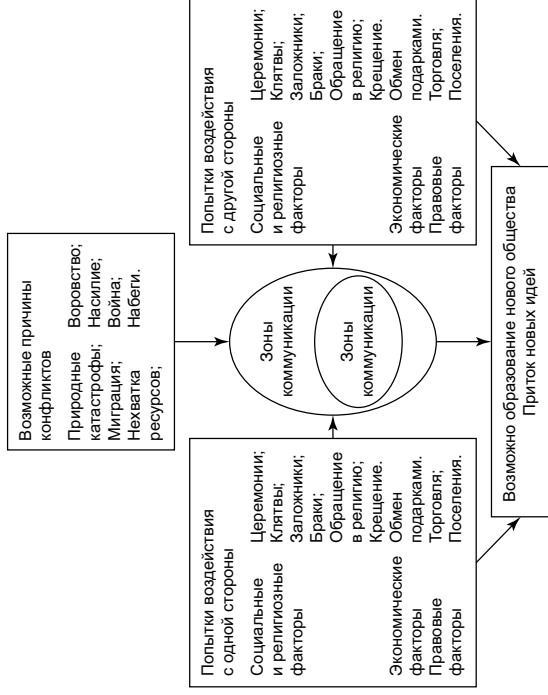
Культурные контакты и взаимодействия в эпоху викингов

Одним из наиболее распространенных вариантов межкультурных контактов в раннем Средневековье служил конфликт (набеги, стычки, межплеменные войны, войны между ранними государствами и империями были весьма и весьма распространены).

В то же время мирные контакты могут быть классифицированы следующим образом:

- установление контактов через церемонии, включающие клятвы, вручение даров, пиры, обмен заложниками и уплату дани;
- установление контактов через экономические отношения, то есть через торговлю или ремесленную кооперацию и доступ к ресурсам;
- мирные контакты, требующие письменного или устного закрепления дипломатическими средствами. Соглашение должно быть законодательно закреплено и подтверждено обеими сторонами.

Эти мирные контакты не обязательно должны устанавливаться в местах проведения постоянных встреч и собраний. Они могут иметь место в таких местах социальных контактов, как, например, рынки и ярмарки, имеющих временный характер.

Схематическое описание конфликтов и возможных решений конфликтных ситуаций в эпоху викингов согласно С. Олссону (Olsson 2019: 26)

Эта упрощенная модель общения представителей различных культур может помочь в изучении сторон контактов, символических актов при установлении мирных отношений и адаптации сторон к новым условиям после разрешения конфликта (Olsson 2019: 28).

По периодичности контакты можно разделить на случайные, продолжительные и постоянные. Случайные контакты происходят неожиданно для обеих сторон и исключают какую-либо подготовку к встрече.

«However, peaceful cultural encounters might not always have been recorded by chroniclers. The first meeting between two cultures often passes unmentioned in written sources. Nor does it always leave physical traces in the form of archaeological evidence»¹ (Håkansdotter 2013: 24, 26).

Продолжительные контакты, если и не планируются заранее, то имеется возможность в ходе них найти переводчика или третью сторону, знакомую с культурой участников и выступающую в роли посредника, что может значительно облегчить взаимопонимание. Постоянные контакты обычно проходят в рамках установленного церемониала и этикета, при

¹ «Однако мирные культурные контакты не всегда могли быть зафиксированы хроникерами. Первые встречи между представителями различных культур часто происходили, не будучи отмечены в письменных источниках. И далеко не всегда они оставляли физические следы в форме археологических доказательств». — Перевод О. Л. Губарева.

этом заранее оговариваются по дипломатическим каналам, в случае военных конфликтов завершают их при любом исходе мирными переговорами и процедурой заключения мира, обеспечивающей соблюдение его обеими сторонами.

Отметим дополнительно, что при межкультурных контактах, особенно в раннем Средневековье, уровень доверия между контактирующими сторонами имеет огромное значение (Svendsen&Svendsen 2016: 198–205).

Отвлекаясь от общих процессов культурных влияний и взаимодействий в современном мире, мы сосредоточим свое внимание на конкретной прикладной проблеме — культурных взаимодействиях в раннем Средневековье, а если точнее, то в «эпоху викингов» (*VikingAge*). При этом нас будут интересовать те культурные процессы, что легли в основу образования новой культурной общности — Руси (Древней Руси, Киевской Руси).

В последнее время издан ряд исследований, посвященных культурным контактам и взаимодействию цивилизаций разных эпох и народов. Однако число работ, посвященных контактам чуждых культур в раннем Средневековье, особенно в эпоху викингов, относительно невелико. Что касается скандинавского влияния на культуру Древней Руси, основополагающей тут является работа Ю. М. Лесмана (Лесман 2014: 43–87).

Естественно, моя книга во многом будет перекликаться с этими тезисами видного ученого, дополняя его исследование, чтобы избежать повторов.

Понять закономерности этих процессов поможет сравнительное изучение аналогичных процессов *культурной диффузии и ассимиляции* у других народов (норманнов на территории империи франков и в Англии, Ирландии, Шотландии, а также на островах Атлантического океана – Оркнейских, Шетландских). Большинство работ историков, изучающих эпоху викингов, посвящено освоению норманнами Англии и континента, что привело к созданию Нормандии и Дэнло, а также к образованию Дублинского королевства норманнов (например, McLeod 2011; Garipzanov 2008: 113–144; Amlé 2014; Downham 2009a: 139–169).

Возможно, это имеет место потому, что взаимодействие родственных культур англосаксов и скандинавов лучше изучено, по нему есть куда более доступный археологический материал. Значительно меньшее количество исследований посвящено аналогичным процессам, проходившим на Востоке, например, сравнительному анализу образования раннеболгарского ханства и древнерусского государства в славянской среде (Каратовская 2011).

При этом географические факторы имели особое значение как среди причин, вызвавших экспансию и миграции норманнов (Downham 2012: 4), так и среди причин, вызвавших в IX в. формирование нового скандинавского раннегосударственного образования – Древней Руси вдоль пути «из варяг в греки» (Губарев 2020a).

Работы, посвященные контактам представителей разных цивилизаций на Востоке, в основном

сводятся к изучению различных аспектов сообщения Ибн Фадлана о русах на Волге, поскольку это единственный достоверно зафиксированный в источниках факт контактов араба с русами. Остальные сообщения арабских географов и писателей о русах и славянах, как правило, получены из вторых рук, и мы не можем с уверенностью утверждать, что другие мусульманские писатели вступали в прямые контакты с народом русов, о котором они писали.

При этом только отдельные места в исследованиях общего характера затрагивают вопрос о восприятии Ибн Фадланом чуждых понятий и попытке поиска им аналогий в мусульманской культуре при описании неизвестных ему обычаев других народов, в частности, русов (Raudvere, Schjødt 2012:27).

Особое внимание при этом необходимо уделить различиям между мышлением современного человека и раннесредневековым мышлением путешественника, дипломата и торговца, поскольку эти различия не могли не сказываться при общении представителей различных культур. Ранее считалось, что мышление раннесредневекового человека не должно было отличаться от мышления современного человека, оно должно было быть таким же ясным, логичным, рациональным.

На неявном допущении, что мышление средневекового человека не отличалось от мышления современного исследователя, основан метод выявления поздних вставок у А. А. Шахматова, а также его ученика М. Д. Приселкова (если в тексте встречались противоречия, повторы, неясности, Шахматов считал это

признаками позднего редактирования текста). Но несколько ученых выступило с резкой критикой такого подхода, справедливо, на мой взгляд, считая, что мышление средневекового летописца не могло быть аналогично мышлению современного человека (Еремин 1947; Данилевский 1995: 145–159; Гуревич 1972).

Мышление раннесредневекового путешественника, для которого чудеса и удивительные народы, вроде амазонок или песьеглавцев, были реальностью, а месть за убитых родичей определяла всю его жизнь, не могло не отличаться от современного. Работ на эту сложную тему очень немного.

Уже одно то, что в «Гренландской песни об Атли» поступок Гудрун, накормившей Атли мясом своих сыновей, рожденных от него, не считается чем-то ужасным, говорит о совершенно ином, архаичном уровне мышления скандинавов, где месть за родичей, какой бы ужасной она ни была, прославляется как благородный поступок. «Более древняя форма сказания отражает мораль родового общества (братья ближе мужа), менее древняя – мораль феодального общества (муж ближе братьев)» (Старшая Эдда 2000: 444).

Точно так же не считалось преступлением любое самое жестокое деяние, направленное на крещение язычников. Так, Карл Великий в ходе своих семнадцати военных кампаний, растянувшихся на тридцать три года (772–805 гг.), за один день казнил 4500 сдавшихся ему пленных саксов, восставших против обращения в христианство (Robinson 1921: 7–8). И франками-христианами подобная жестокость,

неприемлемая для современного человека, воспринималась как норма.

Например, говоря о классах, или прослойке знати, купцов, свободных простолюдинов в раннем Средневековье, мы сознательно модернизируем понятия на уровне современности. Критика марксистского понятия «борьбы классов» и всего, что связано с этим подходом к истории, содержится в ряде исследований по раннему Средневековью (Benthien 2017).

Важно понять, как осознавали себя сами участники военной или экономической деятельности, как они чувствовали свою идентичность и принадлежность к определенной этнической и социальной группе.

Историки волнует вопрос о том, как осознание групповой идентичности влияло на политогенез, на образование ранних государств. В какой степени этническая идентичность способствовала консолидации вокруг единого центра (Garipzanov 2008: 5).

При анализе контактов представителей различных культур в раннем Средневековье необходимо учитывать, происходили ли такие контакты и *межкультурная коммуникация* непосредственно, или же опосредованно, при наличии переводчиков или третьей стороны, знакомой с обычаями и другими особенностями участников встречи.

Исследования в данной области находятся на стыке медиевистики и психологии ранних обществ.

В настоящее время многие из отечественных историков поддерживают гипотезу тождества

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru